

Кости Реальности

Книга 2. Первый уровень

Юрий Адаменко

Юрий Адаменко

**Кости Реальности. Книга
2. Первый уровень**

«Автор»

2026

Адаменко Ю.

Кости Реальности. Книга 2. Первый уровень / Ю. Адаменко —
«Автор», 2026

Жизнь Лёхи Риверса больше не серая и пресная. Теперь в ней есть магия, загадочная Кость и понимание, что привычный мир — лишь тонкая плёнка над чем-то настоящим. Проблема в том, что настоящий мир не хочет, чтобы его тревожили. После событий первой книги Лёха понимает: он не просто монтажёр, нашедший странный артефакт. Он — волшебник поневоле, и магия просачивается в реальность с каждым днём. Гоблины, которых Лёха встретил в подземелье, готовят набег на мир людей. Грымза, бывший враг, становится неожиданным союзником. А вторая сессия настольной игры превращается в реальную битву, где кости определяют не только сюжет, но и жизнь. Вторая книга серии.

© Адаменко Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Адаменко

Кости Реальности. Книга

2. Первый уровень

1

1

Лёха открыл глаза и несколько секунд просто лежал, глядя в потолок, и пытался понять, что изменилось. Вроде бы всё то же самое: знакомые трещины, которые в утреннем свете казались не драконом, а просто старой побелкой, дешёвые жалюзи, сквозь которые пробивалось солнце, и привычное ощущение, что за окном начинается очередной серый день. Но что-то было не так. Или, наоборот, всё стало так, как нужно.

Он повернул голову и посмотрел на тумбочку. Кость лежала на том же месте, где он её оставил вчера, — спокойная, тёплая, живая. Рядом валялся телефон, на котором так и застыло последнее сообщение от Сэма: «Следующая сессия в субботу. Готов продолжить? Кампания только начинается». Лёха помнил, как нажимал «отправить» в ответ, как кость мигнула, как на экране на долю секунды вспыхнули золотые руны. И как потом он заснул с улыбкой, впервые за долгое время не боясь, что ему приснится что-то страшное.

— Я выспался, — удивился он вслух. — По-настоящему. Без кошмаров и этой чертовщины.

Он сел на диване, потянулся, хрустнув суставами, и устался на свою правую руку. Шрам никуда не делся. Отпечаток двадцатигранника красовался на ладони, чёткий, как татуировка, которую сделали ещё вчера. Лёха потрогал его пальцем, кожа была гладкой, но боли уже не было. Шрам стал частью его, как родинка или шрам от старого пореза.

— Красиво, — сказал он кости, которая, казалось, прислушивалась к его словам. — Ты мне татуху сделала. Бесплатно.

Кость молчала, но Лёха уже привык. Он встал, прошлёпал босыми ногами к столу, где лежал спичечный коробок с трофеями. Две монетки, золотистая чешуйка. Всё на месте. Всё реально.

Он закрыл коробок и вдруг подумал, а ведь теперь у него есть настоящее сокровище. Не только эти монетки и чешуйка, но и знание, что мир не ограничивается монтажом и вечными понедельниками. Что за этой серой обыденностью скрывается нечто большее. И он, Лёха, стал частью этого большего.

— Я теперь волшебник поневоле, — прошептал он, глядя на своё отражение в тёмном экране телефона. — Просто так вышло. Но всё равно — волшебник.

Он усмехнулся. Звучало глупо. Но в то же время, правильно.

Лёха вышел на кухню, держа кость в руке, и устался на неё с таким видом, будто собрался проводить серьёзные переговоры с очень важным, но крайне неразговорчивым партнёром. Кость лежала на ладони, тёплая, спокойная, и, казалось, смотрела на него своими двадцатью гранями с лёгким превосходством. Как будто говорила: «Ну, давай, удиви меня».

— Так, — сказал Лёха, ставя чайник на плиту и усаживаясь за стол. — Давай договоримся. Ты — магический артефакт, а я — волшебник поневоле. Мы связаны. Элиас сказал, что мы можем общаться. Есть способ?

Кость молчала. Лёха подождал секунду, потом ещё одну.

— Ну давай, — он постучал по ней пальцем. — Пульсни там, мигни. Я знаю, ты умеешь.

Кость чуть заметно потеплела, но не более того. Лёха вздохнул и положил её на стол, прямо перед собой, как следователь кладёт улику перед подозреваемым.

— Слушай, — начал он новым тоном, более доверительным. — Я понимаю, у тебя там свои дела. Ты, может, древняя, мудрая и всякое видела. Но мне нужна связь с Элиасом. Не только во сне. Вдруг он что-то знает про эти кости? Вдруг он может помочь?

Кость лежала неподвижно. Лёха почесал затылок, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

— Ты издеваешься? — спросил он. — Мы с тобой через столько прошли. А ты молчишь, как партизан на допросе.

Он взял кость, поднёс к глазам, вглядываясь в руны. Те тускло мерцали, но никак не реагировали на его слова.

— Может, ты только в игре работаешь? — предположил Лёха. — Или когда я сплю? Или когда кидаю? Но я же сейчас не кидаю. Я просто хочу поговорить.

Он замолчал, прислушиваясь к себе. В голове было пусто. Ни голоса Элиаса, ни подсказок системы. Только гул холодильника и шум воды в трубах.

— Ладно, — вздохнул он. — Может, я слишком многого хочу. Ты же не телефон, в конце концов. Не можешь же ты по первому требованию отвечать.

Он отложил кость, встал и заварил себе кофе. Пока чайник грелся, он смотрел в окно, наблюдая, как дворник методично сметает листья в кучу. Мысли крутились вокруг одного: как связаться с Элиасом? Во сне — да, он приходил. Но ждать ночи — это долго. А вдруг что-то случится сегодня? Вдруг гоблины снова заявятся? Вдруг надо что-то важное передать?

Он вернулся за стол, взял кость и снова уставился на неё.

— Слушай, — сказал он уже почти умоляюще. — Давай договоримся. Если я буду очень хотеть с тобой поговорить, ты будешь подавать знак. Ну, там, теплеть сильнее. Или мигать. А если совсем срочно, то показывать картинки. Идёт?

Кость пульсировала ровно, но не мигала. Лёха воспринял это как согласие.

— И ещё, — добавил он. — Элиас. Как мне с ним связаться, когда я не сплю? Может, есть какой-то способ? Ну, типа, позвать его мысленно? Или произнести что-то?

Он замолчал, прислушиваясь. Тишина. Только тепло в ладони, чуть более ощутимое, чем обычно.

— Может, надо подождать ночи, — понял Лёха. — Во сне он приходит сам. Значит, там и будем общаться. А днём — только ты. И то, если захочешь.

Он вздохнул, отхлебнул кофе. Кофе был горьким, но бодрящим.

— Ладно, — сказал он. — Будем ждать ночи. А пока, работать. Обычная жизнь. Если это вообще можно назвать обычной.

Он допил кофе, убрал кость в карман и пошёл к ноутбуку. Но перед тем как сесть за работу, ещё раз посмотрел на телефон. Сообщение от Сэма висело в чате: «Жду в субботу». Лёха улыбнулся.

— Суббота, — повторил он. — До субботы надо дожить. И, может быть, научиться разговаривать с магическими артефактами. Или хотя бы понимать, когда они молчат.

Лёха плюхнулся в своё рабочее кресло с таким видом, будто собирался не монтировать видео, а защищать докторскую диссертацию по ядерной физике. Кресло, как обычно, жалобно скрипнуло, колёсико, которое уже год ехало в сторону, упрямо попыталось увести его под стол, но Лёха удержал равновесие и сосредоточенно уставился в монитор.

На экране, как назло, застыл Бизнес-Борис с разведёнными руками и выражением лица «я сейчас скажу что-то гениальное». Лёха вздохнул, открыл проект и начал просматривать вчерашние правки. Их было много. Очень много. Борис, видимо, решил, что раз уж клиент платит, надо выжать из монтажёра все соки.

— Так, — пробормотал Лёха, листая список. — На 2:15 убрать паузу. На 3:40 добавить график. На 5:10 заменить музыку на более энергичную. На 7:22...

Он не дочитал. Мысли снова унеслись куда-то в сторону. К гоблинам, к тому, что будет в субботу. Он поймал себя на том, что смотрит в одну точку уже минут пять, а в голове прокручивается сцена, как Грымза размахивает зубочисткой и кричит про лут.

— Блин, — выдохнул Лёха. — Не могу сосредоточиться. У меня в голове гоблины, а надо работать. Борис не поймёт, если я ему смонтирую видео про инвестиции с вставками про магические кубики.

Он откинулся на спинку кресла, почесал затылок и вдруг вспомнил. Система! Проверка интеллекта. Она же работает в бытовых делах. Может, и в работе поможет?

— Проверка интеллекта, — мысленно сформулировал он. — Чтобы быстрее разобраться с правками и не отвлекаться.

В голове отозвалось знакомое ощущение, и перед глазами на секунду вспыхнул золотистый кубик. Он крутанулся и показал 12.

— Двенадцать, — прочитал Лёха. — Не провал, но и не двадцатка. Ладно, хватит.

Он снова уставился в список правок, и вдруг слова перестали расплываться перед глазами. Он быстро пробежался по пунктам, отметил галочками те, что уже сделаны, и понял, что большая часть правок, просто косметика. Борис, как обычно, хотел «больше драйва», «энергии успеха» и «чтобы графики росли быстрее».

— Росли быстрее, — усмехнулся Лёха. — Сейчас я тебе устрою рост.

Он начал править таймлайн, и работа пошла. Пальцы забегали по клавишам, мышка щёлкала, кадры сменяли друг друга. Лёха даже не заметил, как прошёл час. Он вставил новый график, подогнал музыку, убрал лишние паузы. Борис на экране разводил руками, и Лёха почти слышал его голос: «Да, вот это успех!»

Но как только он закончил с очередным куском, мысли снова вернулись к кости. Она лежала в кармане, тёплая, и Лёха то и дело касался её через ткань, проверяя, не засветилась ли, не подала ли знак.

— Ты там не скучаешь? — спросил он шёпотом.

Кость молчала, но Лёха чувствовал, что она здесь, с ним. Это успокаивало.

Он вернулся к работе, и снова. Резать, клеить, подгонять звук. Но через полчаса понял, что проверка интеллекта кончилась. Мысли снова начали расплываться, как тараканы по кухне.

— Эх, — вздохнул Лёха. — Двенадцать — это не пятнадцать. Надо просить систему о помощи чаще.

Телефон пикинул. Лёха глянул. Бизнес-Борис прислал новое сообщение.

>Борис, 12:15: «Лёша, привет! Как там ролик? Я тут подумал, может, добавить ещё один слайд с цитатой? Что-то типа: "Успех — это не случайность, а закономерность". Как думаешь?»

Лёха посмотрел на экран и представил, как Борис сидит в своём офисе, пьёт кофе и придумывает новые правки, чтобы выглядеть занятым. Ему вдруг стало смешно.

— Успех — это закономерность, — повторил он. — Ага. Успех — это когда у тебя на руке шрам от магического кубика, а в кармане лежит артефакт из другого мира. Вот это успех. Наверное.

Он набрал ответ:

>Лекс, 12:17: «Добавлю. Сделаю красиво».

И продолжил работать. Теперь уже без проверок, просто на упрямстве и остатках вдохновения.

Лёха отправил Бизнес-Борису готовый ролик, закрыл ноутбук и рухнул на диван с чувством глубокого морального и физического истощения. За окном темнело, фонари зажигались один за другим, отбрасывая жёлтые круги на мокрый после дневного дождя асфальт.

Телефон пикинул. Лёха лениво потянулся к нему, ожидая очередного сообщения от Бизнес-Бориса с новой порцией правок. Но на экране высветилось другое имя.

>Сэм, 19:15: «Лекс, всё пучком. Я договорился с бабушкой на завтра. Заеду за тобой после работы, часиков в семь. Она будет ждать. И ещё...»

Лёха замер, глядя на экран. Пальцы сами начали печатать ответ, но он остановился. Сэм ещё не закончил. Через несколько секунд пришло второе сообщение:

>Сэм, 19:16: «В игре будет первый уровень. Я тут прикинул, по правилам нам давно пора. Готовься. Будет весело».

Лёха перечитал сообщение два раза. Потом ещё раз. Первый уровень. Это звучало так... серьёзно. В первой игре они были нулями, новичками, которые только учились держать кубики. А теперь — уровень. Настоящий.

Он откинулся на подушку и уставился в потолок. Дракон на трещине смотрел на него с привычной усмешкой, но теперь Лёхе казалось, что в этой усмешке появилось то ли одобрение, то ли предвкушение.

— Первый уровень, — прошептал он. — А в реальности я, получается, тоже качаюсь. Только не в игре, а в жизни.

Он снова взял телефон и начал печатать ответ. Пальцы дрожали от волнения, но он заставил себя писать спокойно, как будто ничего особенного не происходит.

>Лекс, 19:18: «Отлично. Жду. И про уровень — я готов. Надеюсь, файерболы уже будут».

Отправил и сразу пожалел. Слишком много восторга, слишком много надежды. Но Сэм ответил почти мгновенно:

>Сэм, 19:18: «Файерболы будут. Только не спали подвал».

Лёха усмехнулся. Сэм оставался собой даже в такие моменты. Это было... правильно. Нормально. Как будто ничего не изменилось. Хотя изменилось всё.

2

2

Следующий день выдался на удивление солнечным, будто сама природа решила, что после всей этой чертовщины Лёхе положен небольшой отпуск. За окном сияло по-весеннему яркое солнце, хотя календарь упрямо показывал середину осени. Лёха стоял у подъезда, щурился от света и чувствовал, как кость в кармане куртки привычно греет бок. В руке он сжимал спичечный коробок с трофеями, на всякий случай, чтобы показать Гранни. А вдруг она захочет убедиться, что он не врёт? Хотя, судя по её прошлым словам, она и так всё знала.

Ровно в семь вечера к подъезду подкатил старенький, но ухоженный внедорожник Тая. Из водительской двери вылез сам Тай, огромный, в камуфляжной куртке. С пассажирского сиденья выбрался Сэм с видом человека, который не спал всю ночь, но полон решимости.

— Загружайся, — кивнул Тай Лёхе, открывая заднюю дверь. — Кейт на месте, она пораньше к Гранни заскочила, помогает с чаем.

— Кейт помогает с чаем? — удивился Лёха, забираясь в машину. — Она же у нас варвар, ей бы топоры точить.

— А она и точит, — усмехнулся Сэм. — Но бабушка сказала, что если она не придёт помогать, то пирожков не получит. Так что Кейт сдалась.

Машина тронулась, и Лёха откинулся на сиденье, глядя в окно на проплывающие мимо дома. Тай вёл аккуратно, неспешно, и это давало время подумать. Сэм сидел на переднем сиденье, вертел в руках старую потрёпанную тетрадь в кожаном переплёте. Дневник деда.

— Покажешь? — спросил Лёха, наклоняясь вперёд.

Сэм обернулся, на секунду заколебался, потом протянул тетрадь. Лёха взял её в руки, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Тетрадь была старой, пожелтевшей, с потёртыми углами и пятнами, которые могли быть чем угодно — от чая до времени. На обложке когда-то было тиснение, но теперь можно было разобрать только смутные очертания дракона. Лёха открыл первую страницу и замер.

— Это же... это мои руны, — выдохнул он, вглядываясь в рисунок.

На первой странице, посреди разлинованных клеток, был нарисован кубик. Двадцатигранник. Но не просто кубик — его грани были покрыты теми самыми рунами, которые светились на кости Лёхи. Золотистые, замысловатые, они вились вокруг цифр, создавая узоры, которые Лёха знал теперь наизусть.

— Дед называл их «золотые письма», — сказал Сэм, не оборачиваясь. — Говорил, что они — ключ к переходу. Что если правильно их прочесть, можно открыть дверь между мирами.

— И он открыл, — добавил Тай, поглядывая в зеркало заднего вида. — Или пытался. Мы же теперь знаем.

Лёха перелистнул страницу. Там была схема. Круги, линии, стрелки, и в центре три кубика, соединённые рунами. Подпись под схемой была выведена каллиграфическим почерком, но слова казались какими-то древними, будто дед Сэма писал не на русском, а на языке, который только предстояло расшифровать.

— «Три кости — три ключа, — прочитал Лёха вслух, с трудом разбирая буквы. — Собравшие их откроют путь. Но путь этот — не для всех. Только избранные могут пройти, не потеряв себя».

— Избранные, — повторил Тай. — Это мы, что ли?

— Похоже на то, — кивнул Сэм. — Бабушка говорила, что дед верил: есть люди, которые рождаются с даром. Они могут видеть руны, слышать голоса, влиять на реальность. Он называл их «Ткачами».

Лёха посмотрел на свою руку, на шрам, который теперь казался не просто ожогом, а меткой. Отпечатком того, что он избранный. Или проклятый. Смотря как посмотреть.

— А что там дальше? — спросил он, перелистывая страницы.

Дальше были рисунки. Много рисунков. Гоблины, драконы, странные существа, похожие на смесь человека и зверя. И везде — руны. На стенах, на оружии, на доспехах. Лёха узнавал некоторые из них, что видел на своей кости.

— Дед верил, что наш мир и мир игры — это две стороны одной монеты, — сказал Сэм. — Что они существуют параллельно, но иногда пересекаются. И что кубики — это не просто игральные кости, а инструменты, которые помогают этим пересечениям случаться.

— Как мой кубик, — понял Лёха. — Он не просто считает броски. Он создаёт связь.

— Именно, — кивнул Сэм.

Машина свернула на знакомую улицу. За окном поплыли старые дома с резными наличниками, заросшие кусты и покосившиеся заборы. Лёха смотрел на всё это и чувствовал, что мир вокруг стал каким-то другим. Более живым, что ли. Более настоящим.

Тай припарковался у калитки, и все трое вышли. Из дома уже доносился запах пирожков и травяного чая. Кейт стояла на крыльце, в фартуке поверх своей футболки с единорогом, и махала им рукой.

— Идите быстрее! — крикнула она. — Гранни уже заждалась. И чайник поставила третий раз, вы всё не едете.

— Пробки, — развёл руками Тай.

— В нашем районе? — усомнилась Кейт. — Ты просто медленно едешь.

— И это тоже, — признался Тай.

Лёха спрятал дневник во внутренний карман куртки, рядом с коробком и костью. Сделал глубокий вдох и зашагал к крыльцу. Впереди был разговор, который мог изменить всё. Или, по крайней мере, ответить на вопросы, которые мучили его последние недели.

— Ну что, — сказал он, поравнявшись с Сэмом. — Идём?

— Идём, — кивнул тот.

Они вошли в дом. Из кухни доносился голос Гранни, она что-то напевала себе под нос, явно пребывая в хорошем расположении духа. Лёха переступил порог и вдруг почувствовал, что страх, который грыз его всю дорогу, куда-то исчез. Осталось только любопытство и странное, почти детское чувство, что сейчас он узнает что-то важное. Что-то, что изменит его жизнь. Или, может, уже изменило.

Кухня Гранни встретила их привычным теплом и запахами, которые, казалось, въелись в стены ещё во времена, когда Сэм ходил под стол пешком. На плите что-то шипело в чугунной сковороде, на столе, накрытом вышитой скатертью, уже дымились чашки с травяным чаем, а в центре возвышалась тарелка с пирожками, которые, судя по количеству, должны были кормить не пятерых, а целую роту.

— А вот и мои разбойнички! — Гранни стояла у плиты в своём неизменном фартуке с вышивкой, седые волосы собраны в пучок, глаза яркие, молодые. — Проходите, проходите, садитесь. Чайник только что закипел, пирожки с капустой, с мясом, с яблоками. Кейт уже два съела, пока ждала, но я ей простила, потому что она помогала.

— Три, — поправила Кейт, сидевшая за столом с виноватым видом и одновременно с ещё одним пирожком в руке. — Три съела. Но один был сломанный, он не считается.

— Сломанный пирожок — это как? — удивился Тай, усаживаясь на скрипучий стул и тут же потянулся к тарелке. — Пирожки не ломаются, они съедаются.

— Этот упал, когда я его перекладывала, — пояснила Кейт. — У него край отломился. Я его, чтобы не пропадал, и съела.

— Благородно, — хмыкнул Сэм, усаживаясь напротив. — Прямо как рыцарь, который спасает павшего товарища.

— Тихо вы, — прикрикнула Гранни, расставляя чашки. — Сначала чай попейте, потом языками чесать будете. Лекс, садись вот сюда, ближе ко мне. Я хочу на тебя посмотреть.

Лёха, который уже собирался устроиться в углу, чтобы быть подальше от пристального взгляда, послушно сел на указанное место. Гранни посмотрела на него долгим, внимательным взглядом, от которого Лёхе захотелось спрятать руки под стол, но он сдержался.

— Шрам покажи, — сказала она, и голос её вдруг стал серьёзным, без той игривости, что была минуту назад.

Лёха протянул правую руку. Шрам красовался во всей красе. Отпечаток двадцатигранника, чёткий, с рунами, которые даже сейчас, при свете кухонной лампы, казались живыми.

Гранни взяла его руку в свои, морщинистые, но тёплые и удивительно сильные, и долго водила пальцем по рисунку.

— Метка, — сказала она тихо. — Первая метка. Дед Сэма такую же получил, когда в первый раз единицу выбросил. Только у него была на плече. Говорил, что это напоминание — цена ошибки.

— А у меня на ладони, — пробормотал Лёха. — Тоже напоминание.

Гранни усмехнулась, но взгляд её оставался серьёзным.

— Ладно, — сказала она, отпуская его руку. — Рассказывайте. Я знаю, что вы не просто так приехали. И дневник, — она кивнула на тетрадь, которую Сэм сжимал в руках, — я его уже сто раз читала. Там ничего нового. А вот вы — новое. Рассказывайте, что случилось. Всё.

Лёха посмотрел на Сэма. Тот кивнул. Лёха вздохнул и начал. Про первую игру, про природную двадцатку под столом, про проверки в супермаркете, про гоблина на кухне, про сны с Элиасом, про ожог, про монетки. Говорил долго, сбивчиво, перескакивая с одного на другое, и чувствовал, как с каждым словом с плеч спадает груз, который он тащил на себе все эти недели.

Гранни слушала молча, не перебивая, только иногда кивала и подливала чай. Кейт перестала жевать и сидела с открытым ртом. Тай слушал, нахмурившись. Сэм смотрел в стол, и Лёха знал, что он тоже всё это переживает заново.

Когда Лёха закончил, в кухне повисла тишина. Только часы тикали на стене да где-то за окном лаяла собака.

— Молодец, — наконец сказала Гранни. — Не струсил. Не сбежал. Не выбросил кость. А многие бы выбросили. Или спрятали подальше и делали вид, что ничего не было. А ты пошёл дальше. Это дорогого стоит.

— Я просто... — начал Лёха, но Гранни перебила его.

— Ты — волшебник, — сказала она просто. — Не по своей воле, не по желанию, но теперь это твоя судьба. Мой муж, Сэмкин дед, тоже был таким. Только он узнал об этом гораздо раньше. И не было у него ни друзей, которые могли бы помочь, ни дневников, ни подсказок. Он сам всё открывал. И платил за это.

— Платил? — переспросил Лёха.

— Всё имеет цену, — Гранни вздохнула и отхлебнула чая. — Дед Сэма был мастером. Не только в игре, а и в жизни. Он первым понял, что кубики могут влиять на реальность. Он первым научился читать руны. Он первым открыл портал между мирами. И он первым...

Она замолчала, глядя в окно. За стеклом темнело, и в отражении Лёха видел, как её лицо становится чужим, далёким.

— И он первым ушёл, — закончила она. — Не потому, что хотел. А потому, что должен был. Его кость, которую ты нашёл, Лекс, была не одна. Их было три. Три кости Ткачей. Он нашёл две. Третью — нет. И когда портал открылся, он шагнул туда, чтобы закрыть его. Потому что если бы не закрыл, то в наш мир хлынуло бы такое, что мы бы не справились.

— Как гоблины? — спросил Тай.

— Гоблины — это цветочки, — усмехнулась Гранни. — Ягодки — это те, кто за ними идёт. Драконы, демоны, древние твари, которые только и ждут, чтобы портал открылся. Дед Сэма ушёл, чтобы этого не случилось.

— А третья кость? — спросил Лёха, чувствуя, как внутри холодеет. — Она где?

— Не знаю, — покачала головой Гранни. — Дед искал её всю жизнь. И не нашёл. Может, она у кого-то из вашей компании. Может, у кого-то из ваших предков. Может, она вообще в другом мире.

— И что тогда? — спросил Сэм, поднимая глаза.

Гранни посмотрела на него долгим взглядом.

— Тогда вы должны будете решить, — сказала она. — Открыть портал и пойти за ним. Или закрыть навсегда. Третьего не дано.

В кухне снова стало тихо. Лёха чувствовал, как кость в кармане пульсирует в такт его сердцу. Он посмотрел на своих друзей.

На улице уже стемнело. Фонари во дворе дома Гранни горели тускло, как будто тоже устали за день, и их жёлтый свет едва пробивался сквозь густые ветви старой яблони. Тай первым попрощался, ему надо было завезти Кейт домой, а потом ещё на ночную смену в ТЦ, где он, по его собственным словам, «будет охранять покой граждан от нашествия гоблинов».

— Если что — звоните, — сказал он, садясь в свой внедорожник. — Я теперь, как Кузя, всегда на связи.

— Кто такой Кузя? — спросила Кейт, уже устроившаяся на пассажирском сиденье с пакетом пирожков на коленях.

— Кузя — это наш участковый, — пояснил Тай. — Он всегда говорит: «Звоните, я приеду». Ни разу не приехал, но всегда говорит.

— Вдохновляющая история, — усмехнулся Лёха.

Машина Тая укатила в темноту, оставив Лёху и Сэма стоять на пустынной улице. Сэм смотрел вслед удаляющимся огням, потом перевёл взгляд на Лёху.

— Пойдём, — сказал он. — Я тебя подвезу. Мне всё равно по пути.

— Ты же в другой стороне живёшь, — удивился Лёха.

— Я знаю, — Сэм пожал плечами. — Но сегодня мне надо с тобой поговорить. Не здесь.

Они сели в старую, но ухоженную «Ладу» Сэма, которую он наконец-то починил. Машина внутри пахла кожей и почему-то корицей. Из динамиков тихо играл какой-то инструментал, похожий на саундтрек к старому фэнтези.

— Бабушка любит, когда я эту музыку включаю, — пояснил Сэм, выводя машину со двора. — Говорит, дед под неё карты рисовал.

Лёха кивнул, но не ответил. Мысли всё ещё крутились вокруг шкатулки, трёх костей, портала и выбора, который им предстояло сделать. Машина плавно катилась по ночным улицам, и тишина в салоне была какой-то особенной, располагающей к разговору.

— Ну, — сказал Сэм, когда они выехали на трассу. — Как ты?

— Не знаю, — честно ответил Лёха. — Странно. Как будто я всю жизнь играл в лотерею, а тут вдруг узнал, что выиграл джекпот. Но вместо денег — куча проблем и ответственность.

— Ага, — Сэм кивнул. — Я примерно так же себя чувствую. Только я ещё и ведущий. Мне теперь не просто кубики кидать, а ещё и за вами следить, чтобы вы в портал не нырнули раньше времени.

— Ты тоже думаешь, что мы полезем в портал? — спросил Лёха.

— А ты не полезешь? — Сэм покосился на него. — Мне показалось, ты уже готов был шкатулку схватить и бежать.

— Готов, — признался Лёха. — Но Гранни права. Мы не готовы. Там, наверное, драконы, демоны, и всё такое. А у меня из оружия — тапок.

Сэм рассмеялся, и этот смех был таким искренним, что Лёха невольно улыбнулся.

— Тапок — серьёзное оружие, — сказал Сэм.

Они помолчали. Машина свернула на знакомую улицу, и вдалеке уже виднелись огни дома Лёхи.

— Слушай, — сказал Сэм, сбавляя скорость. — А ты не жалеешь? Ну, что ввязался во всё это?

Лёха задумался. Вспомнил свою жизнь до той первой игры. Серые будни, бесконечный монтаж и одиночество. Потом встреча с Кейт и Таем, смех в подвале, гоблин на кухне, шрам на руке. И сейчас ощущение, что он живёт по-настоящему.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Не жалею. Это всё... настоящее. А раньше что было? Работа, сон, работа. Я как зомби существовал. А теперь — я живу.

— Я так и думал, — улыбнулся Сэм. — Поэтому и позвал тебя в ту первую игру. Чувствовал, что ты готов к чему-то большему. Даже не знал про кости, про магию, а чувствовал.

— Ты что, экстрасенс? — удивился Лёха.

— Нет, — Сэм покачал головой. — Просто друг. А друзья чувствуют, когда их друзьям нужна помощь. Или приключения.

Он остановил машину у подъезда. Лёха не торопился выходить.

— Сэм, — сказал он. — Спасибо. За всё. За игру, за то, что поверил, за то, что с бабушкой поговорил. За то, что рядом.

— Не за что, — Сэм пожал плечами. — Мы же команда. А в команде все за всех.

— Даже если один из команды — волшебник поневоле?

— Тем более, — улыбнулся Сэм. — Кто же ещё будет файерболы кидать, когда дракон придёт?

Лёха усмехнулся, открыл дверь и вышел из машины.

— Завтра игра? — спросил он, наклоняясь к окну.

— Завтра, — кивнул Сэм. — Первый уровень. Будет жарко.

— Я готов, — сказал Лёха. — Или почти готов.

— Хватит и почти, — Сэм завёл двигатель. — Главное — не бояться. Остальное приложится.

Он уехал, и Лёха остался стоять на тротуаре, глядя вслед удаляющимся огням. В кармане пульсировала кость, на руке горел шрам, а в голове крутились мысли о портале. Но где-то глубоко внутри было спокойно. Потому что теперь он знал: он не один. У него есть Сэм. И Кейт. И Тай. И даже Гранни, которая, кажется, знает больше, чем говорит, но готова поделиться, когда придёт время.

Он поднялся на свой этаж, открыл дверь, вошёл в тёмную квартиру. На кухне горел свет, он оставил его с утра, и теперь лампочка освещала стол, где стояла пустая кружка и лежала пачка доширака.

Лёха подошёл к столу, вытащил из кармана кость и положил её рядом с кружкой. Та была тёплой, спокойной, но Лёха чувствовал — она тоже ждёт. Ждёт завтрашней игры. Ждёт новых бросков. Ждёт, когда все три кости сойдутся снова.

— Завтра, — сказал он кости. — Завтра мы покажем, на что способны.

3

3

Лёха сидел и смотрел в тёмное окно, за которым начинал пробиваться серый рассвет. Где-то вдалеке запели первые птицы, залаяла собака, и жизнь постепенно возвращалась в город.

Вдруг он заметил на столе, рядом с пустой чашкой, лежал сложенный вчетверо клочок бумаги. Обычной тетрадной бумаги, вырванной, судя по неровному краю, из школьной тетради. Лёха не помнил, чтобы оставлял здесь бумагу. Он потянулся к клочку, развернул и замер.

Это была записка. Написанная от руки, но такой рукой, которой явно никогда не держали ручку. Буквы были кривыми и неровными, некоторые написаны вверх ногами. Строчки прыгали, как пьяные, и казалось, что писавший с трудом вспоминал, как выглядят буквы. Лёха поднёс записку к глазам и начал разбирать.

«ВСТРЕЧАЙ ВОЛШЕБНИК ЕСТЬ ДЕЛО».

Без знаков препинания, без заглавных букв (кроме первой, которая получилась случайно), с ошибкой в слове «встречай». Лёха перечитал ещё раз, потом ещё.

— Грымза, — выдохнул он. — Это Грымза написал. Он научился писать. Гоблин научился писать!

Сначала Лёхе стало смешно. Он представил, как маленький зелёный уродец сидит где-то в своём подземелье, сжимая в кривых пальцах обгрызенный карандаш и корябает буквы, высунув язык от усердия. Представил, как он переворачивает листок, пытаясь понять, где верх, где низ, как ругается, когда буквы получаются не те. И как потом, довольный, прячет послание в карман, чтобы передать волшебнику.

— Он научился писать, — повторил Лёха, и в голосе его смешалось удивление и восхищение. — Грымза, ты гений. Или сумасшедший. Или и то и другое.

Но тут же смех сменился тревогой. Гоблин научился писать. Это означало, что он готовился к чему-то серьёзному. Что он не просто так приходил за дошираком. Что его предупреждение о вожаке, не пустые слова. И что теперь у них есть связь. Не только через вентиляцию, но и через эти кривые, но такие важные послания.

Лёха взял записку в руки, поднёс к свету. Бумага была мятая, с какими-то пятнами (похоже на жир), и пахла от неё почему-то дымом и сыростью. Видимо, Грымза хранил её где-то у костра. Лёха представил, как гоблин сидит в своей пещере, перечитывает написанное, волнуется, поймёт ли волшебник. И почему-то на душе стало тепло.

— Молодец, — сказал он, обращаясь к пустой вентиляции. — Настоящий дипломат. Скоро ты меня русскому языку учить будешь.

Он аккуратно положил записку на стол, рядом с монетками, и задумался. Что делать? Ответить? Но как? Грымза приходит сам, когда хочет. Может, оставить для него записку на том же месте? А вдруг он вернётся? Лёха представил, как пишет гоблину ответ: «Спасибо, Грымза. Всё понял. Готовимся.». Но потом подумал, что гоблин, возможно, не всё разберёт. Да и кто знает, когда он в следующий раз заявится.

— Ладно, — решил он. — Оставлю записку. Пусть знает, что я его послание получил.

Он вырвал лист из своей тетради, взял ручку и начал писать. Старался, чтобы буквы были крупными, чёткими, как в прописях для первоклассников.

«ГРЫМЗА! СПАСИБО. ВСЁ ПОНЯЛ.

БУДУ ГОТОВИТЬСЯ. ПРИХОДИ ЕЩЁ.

ЛЁХА».

Написал и задумался. А поймёт ли гоблин? Может, надо было проще? «СПАСИБО» — длинное слово. А вдруг он не знает, что значит «готовиться»? Лёха представил, как Грымза сидит над запиской, водит пальцем по буквам и бормочет: «Го-то-вить-ся... Это что?». И снова усмехнулся.

— Ладно, сойдёт, — сказал он, складывая записку вчетверо и кладя на то место, где только что лежало послание гоблина. — Пусть лежит. Может, вернётся.

Он допил остывший чай и подошёл к окну. За стеклом уже совсем рассвело. Дворник мёл листья, бабка выгуливала таксу, мужик в спортивном костюме куда-то спешил. Всё как всегда. Никто не знал, что в одной из квартир мужчина средних лет только что получил послание от гоблина и готовится к войне с армией зелёных уродцев.

— Жизнь, — вздохнул Лёха. — Никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. Вот теперь и переписка с гоблинами, поиск артефактов и, возможно, спасение мира.

Он посмотрел на записку, оставленную для Грымзы, и почему-то подумал: «Интересно, а у гоблинов есть школа? И кто их учит писать? Или он сам научился?». Вопросы были глупыми, но от этого не менее важными.

— Надо будет спросить, — решил он. — В следующий раз. Если будет следующий раз.

Лёха сидел на кухне, уставившись на вентиляционное отверстие над плитой, и думал о том, что его жизнь окончательно превратилась в абсурдный сериал. Вот уже полчаса он пялился на решётку, за которой скрывался ход в другой мир, и ждал, когда оттуда вылезет гоблин. Гоблин, с которым он теперь переписывался. Гоблин, который приносил ему монетки и предупреждения. Гоблин, который, кажется, стал его союзником. Если бы кто-то сказал ему об этом месяц назад, Лёха покрутил бы пальцем у виска. А теперь он сидел и ждал, как старого друга, который вот-вот зайдёт на чай.

На столе уже стояла пачка доширака. Рядом с ней, чистая тарелка и вилка. Для гоблина, конечно. Лёха даже заварил себе чай. Для Грымзы он бы, наверное, тоже налил, но не знал, пьют ли гоблины чай. Может, у них там своя кухня? Жареные крысы, корешки, грибы? Вопросы, на которые у Лёхи не было ответов.

— Придёт — спрошу, — сказал он сам себе, отхлебывая чай. — Если придёт. Может, он уже всё рассказал и теперь сидит у себя в подземелье и думает, как бы ещё меня предупредить.

Он уже хотел пойти спать, за окном светало, а сил совсем не осталось, как вдруг из вентиляции донёсся знакомый шорох. Лёха замер, потом медленно повернулся к плите.

— Выходи, — сказал он. — Я знаю, что ты там.

Решётка дрогнула, и из отверстия показалась знакомая зелёная морда с огромными ушами. Грымза огляделся, принялся, а потом, убедившись, что в кухне никого, кроме Лёхи, нет, прыгнул на плиту, а оттуда на стол.

— Привет, — сказал Лёха. — За дошираком пришёл? Или опять предупреждать?

— И то-на, и другое-на, — признался гоблин, не сводя глаз с пачки. — Ты сказал-на, что До-Ш'ирак-на будет. Я пришёл-на. И рассказать кое-что хочу.-на Важное-на.

— Важное? — Лёха напрягся. — Ещё важнее, чем то, что ты уже рассказал?

— Ночью я рассказал-на про вожжака-на, — Грымза наконец оторвал взгляд от доширака и посмотрел на Лёху. — А ссейчас-на я расскажу, што у нас в подземелье-на творится. Пока меня-на не было, много-на шего сслушилось.

— Садись, — Лёха кивнул на тарелку. — Ешь. И рассказывай.

Грымза не заставил себя упрашивать. Он подскочил к пачке, схватил её обеими руками и начал рвать с такой скоростью, будто боялся, что Лёха передумает.

— Три минуты, — напомнил Лёха. — Надо залить кипятком.

— Я и так съем-на, — пробормотал гоблин, но Лёха уже взял пачку, залил лапшу кипятком и поставил перед ним.

— Жди. И рассказывай.

Грымза вздохнул, с тоской посмотрел на дымящуюся лапшу и начал:

— После того-на, как вы убили старого вожжака-на, у нас в подземелье-на началась ссмута-на. Все ххотели-на быть главным. Кто сильнее-на, тот и правит-на. Дрались-на, грызлись-на, даже костры жгли-на — шуть всю пещеру не спалили-на.

— И что? — спросил Лёха, хотя уже догадывался.

— А то-на, што нашёлся один-на, — Грымза понизил голос до шёпота. — Его раньше звали-на Хлюп. Я говорил-на. Маленький был-на, ххилый. Все над ним смеялись-на. А после того-на, как вы убили вожжака-на, он вдруг стал расти-на. Каждый день понемногу-на. И сила к нему приходила-на. Теперь он вон какой-на, в три меня-на, топор здоровенный-на, и колдовать умеет-на.

— Колдовать? — переспросил Лёха. — Гоблины умеют колдовать?

— Раньше не умели-на, — Грымза пожал плечами. — А этот-на научился. Говорят-на, амулет нашёл-на. В старых-на руинах, где портал открывался-на. Теперь он всех подчинил-на. И хочет-на...

Он замолчал, глядя на Лёху своими красными глазками.

— Хочет отомстить, — закончил за него Лёха. — Людям. Нам.

— Не только вам-на, — Грымза покачал головой. — Всем-на. Он говорит-на, што ваш мир-на, это наша земля-на. Што мы жили здесь раньше-на, а люди-на нас выгнали. И што теперь-на время пришло вернуть своё-на.

— Он ошибается, — сказал Лёха, но голос его прозвучал не очень уверенно.

— Может быть-на, — кивнул гоблин. — Но он так думает-на. И другие тоже-на. Они собирают армию-на. Всех-на, кто умеет держать оружие-на. Даже тех-на, кто раньше воевать не хотел-на. Хлюп сказал-на: кто не пойдёт, того казнят-на.

— Казнят? — Лёха почувствовал, как внутри холодеет. — Он же своих.

— Своих-на, — вздохнул Грымза. — Он теперь не такой-на, как раньше. Сила-на изменила его. Он теперь только о меще думает-на. Вернуть земли-на и отомстить-на. А мы-на, мелкие, для него-на, пустое место-на.

Он посмотрел на пачку доширака, которая уже начала остывать, и потянулся к ней.

— Можно?

— Ешь, — кивнул Лёха.

Грымза схватил лапшу руками и начал жадно её жевать, не обращая внимания на то, что она ещё горячая. Лёха смотрел на него и думал о том, что этот маленький гоблин, который ещё неделю назад грозил ему зубочисткой, теперь стал его главным источником информации. И, кажется, единственным, кто мог помочь остановить набег.

— А когда они собираются нападать? — спросил он. — Когда?

— Не знаю-на, — Грымза оторвался от еды. — Хлюп ждёт-на, когда портал откроется-на. Говорит-на, што еесли открывать насильно-на, он может рухнуть-на, и мы ззасстрянем между мирами-на. А еесли коссти-на ссами ссоберутся, портал-на будет сстабильным. Тогда он поведёт армию-на.

— Значит, — выдохнул Лёха. — Пока мы не соберём все три кости, он не нападёт.

— Или нападёт-на, еесли поймёт-на, што вы не ссобираетесь ихх ссобирать-на, — поправил Грымза. — Он не дурак-на. Он будет ждать-на, но не вечно. Еесли поймёт-на, што вы не ххотите открывать портал-на, он попробует ссделать это ссам-на. Насильно-на.

— А это возможно? — спросил Лёха.

— Не знаю-на, — Грымза покачал головой. — Говорят-на, што еесли у тебя ессть хотя бы одна коссть-на, можно попробовать. Но риск большой-на. Портал может открыться не туда-на. Или вообще взорваться-на.

— Взорваться? — переспросил Лёха. — Это как?

— Как взрыв-на, — Грымза развёл руками. — Большой-на. Всё вокруг-на разрушит. И техх, кто рядом-на, тоже. Поэтому Хлюп и ждёт-на. Ему нужен сстабильный портал-на. Ему нужны все коссти-на.

Лёха молчал, переваривая услышанное. Вожак ждёт, пока они соберут кости. Если они соберут, то откроется портал, и гоблины пойдут в наступление. Если не соберут, то вожак попробует сделать это сам, и может случиться катастрофа. Выхода не было. Или почти не было.

— Грымза, — сказал он. — А если мы уничтожим кости? Если их не будет, портал не откроется?

— Не знаю-на, — гоблин задумался. — Никто-на не пробовал. Говорят-на, што коссти нельзя уничтожить-на. Они вечные-на. Их можно только-на спрятать. Или унести в другой-на мир.

— Уйти? — Лёха почувствовал, как в груди что-то сжалось. — В другой мир? Навсегда?

— Может-на, не навсегда, — Грымза пожал плечами. — Может-на, вернуться можно. Я не знаю-на. Я маленький-на, меня на ссоветы-на не зовут. Я только то говорю, што вижу-на и слышу-на.

Он доел доширак, облизал тарелку и посмотрел на Лёху с надеждой.

— Можно ещё-на? Я не наелся-на.

Лёха молча достал из шкафа вторую пачку, залил кипятком и поставил перед гоблином.

— Ешь, — сказал он. — И рассказывай дальше. Что ещё ты знаешь о вожаке? О его слабых местах? О том, как его можно остановить?

— Слабые месста-на? — Грымза задумался, жуя лапшу. — Говорят-на, амулет. Еесли отнять амулет-на, он сстанет обычным гоблином. Сслабеньким-на. Но как его отнять-на? Он его никогда не сснимает-на. Даже спит-на с ним. И оххрана у него большшая-на. Ссамые ссильные гоблины-на вокруг.

— Значит, надо пробраться к нему и украсть амулет, — понял Лёха. — Как в игре. Как плут.

— Как в игре-на, — кивнул Грымза. — Только в игре-на можно переиграть-на, еесли не полуются-на. А здесь-на — нет. Еесли поймают-на — убьют-на. Или ххужже-на.

— Хуже? — переспросил Лёха. — Что может быть хуже?

— В плен возьмут-на, — Грымза поёжился. — Будут пытать-на. Зассаставят работать-на. Или обменяют-на на што-нибудь. Хлюп злой-на. Он долго терпел-на насмешки. Теперь ххощет-на, штобы все страдали-на.

Лёха почувствовал, как по спине побежали мурашки. Всё это было слишком серьёзно. Слишком реально. Не игра, где можно начать заново, если провалил проверку. А жизнь. Его жизнь. И его друзей.

— Грымза, — сказал он. — Ты можешь помочь? Провести нас к нему? Показать, где он спит, где хранит амулет?

Гоблин замер с вилкой в руке. Его красные глазки расширились, и он попятился к краю стола.

— Ты с ума ссошшёл-на! — прошипел он. — Меня жже убьют-на! Еесли узнают-на, што я с вами-на, меня казнят-на прилюдно! Я тогда не ссмогу вам помогать-на! Не ссмогу предупредить-на!

— А если мы не остановим его, он всё равно убьёт тебя, — тихо сказал Лёха. — И нас. И многих других. Ты же сам говорил: он хочет отомстить всем. Не разбирая, кто виноват, кто нет.

Грымза молчал. Он смотрел на Лёху, и в его глазах было всё — и страх, и надежда, и отчаяние.

— Я подумаю-на, — наконец сказал он. — Можжет-на, што-нибудь придумаю-на. Но ссейщасс, нет-на. Ссейщасс сслишком опасно-на. Он везде расставил-на ссвоихх. Любой щужой-на, сразу к нему-на. Меня убьют-на, даже не сспросив-на.

— Хорошо, — кивнул Лёха. — Думай. А мы пока будем готовиться. Может, когда придёт время, мы сможем его победить.

— Можжет быть-на, — вздохнул Грымза. — А ссейщасс-на, можжно ещё До-Ш'ирак-на? Я его ем ем-на, а вссё равно ххощетсся-на.

Лёха усмехнулся, достал третью пачку и поставил чайник. Грымза смотрел на него с благодарностью и надеждой. Надеждой, что этот странный волшебник сможет сделать то, что не удавалось никому. Остановить Хлюпа. Спасти их мир. И свой.

— Волшшебник-на, — сказал гоблин, когда Лёха поставил перед ним третью пачку. — А ты правда-на веришь, што мы сможем его победить-на?

— Верю, — сказал Лёха. — Потому что у нас есть команда. И ты. А команда, которая держится вместе, всегда побеждает.

Грымза кивнул и уткнулся в доширак. А Лёха смотрел в окно, где занимался новый день, и думал о том, что впереди их ждёт самое сложное испытание. Но он был готов. Или почти готов. Как и всегда.

Грымза доел, облизал тарелку, вытер рот рукавом и удовлетворённо вздохнул. Сытого гоблина было почти не узнать. Он перестал ёрзать, перестал оглядываться на вентиляцию, и даже его красные глазки потеряли ту вечную настороженность, которая была вписана в его гоблинскую природу с рождения.

— Сспасибо, волшшебник-на, — сказал он, и в голосе его вдруг появилась какая-то странная, почти человеческая благодарность. — Ты хорошший-на. Не то што другие-на.

— Другие? — переспросил Лёха, хотя уже знал ответ.

— Ну, которые раныше приходили-на, — Грымза пожал плечами. — Они всехх убили-на. И не разговаривали-на. А ты разговариваешшь-на. И кормишь-на. Значит-на, не такой плохой.

— Стараюсь, — усмехнулся Лёха. — А теперь — давай договоримся. Ты будешь следить за вожаком. Если что-то изменится — сразу приходи. А я буду готовить команду.

— Договорились-на, — кивнул Грымза. — Но уцти-на, он ссильный-на. Ощень ссильный-на. Вам понадобится всяа вашша магия-на. И удаща-на. И много-много тапков-на.

— Тапков у нас много, — улыбнулся Лёха. — С этим проблем не будет.

Грымза хмыкнул, но улыбаться не стал. Он посмотрел на окно, за которым уже вовсю светило солнце, потом на вентиляцию, потом на Лёху.

— Мне пора-на, — сказал он. — Скоро у нихх там подъём-на. Будут проверять-на, все ли на мессте-на. Ессли меня не найдут-на, нащнут исскать-на. А ессли найдут-на...

Он не договорил, но Лёха и так понял.

— Возвращайся, — сказал он. — Если что-то узнаешь. Или просто так.

— Приду-на, — пообещал гоблин. — Обязательно приду-на.

Он подошёл к краю стола, на секунду замер, а потом вытащил из кармана маленькую монетку и положил на стол.

— Это зза До-Ш'ирак-на, — сказал он. — Не люблю быть должжником-на.

Лёха взял монетку. Потертая медь с цифрой 1. Четвёртая? Пятая? Он уже сбился со счёта. Грымза, видимо, считал, что доширак стоит дорого. Или просто хотел оставить о себе память.

— Спасибо, — сказал Лёха. — Приходи ещё.

— Приду-на, — пообещал гоблин и, не прощаясь, прыгнул на плиту, а оттуда — в вентиляцию. Решётка звякнула, и звук его шагов затих где-то в глубине вентиляционного короба.

Лёха остался сидеть на кухне, вертя в пальцах новую монетку. Он смотрел на неё и думал о том, что сказал Грымза. Вожак собирает армию. Гоблины готовятся к набегу. Портал может открыться в любой момент. И тогда уже не будет ни игры, ни спокойных вечеров на диване. Будет война.

— Надо звонить Сэму, — сказал он себе. — И Кейт. И Таю. Все должны знать.

Он достал телефон и начал писать в общий чат. Пальцы летали по экрану, выстукивая слова, которые ещё утром казались безумием, а теперь были единственной правдой.

>Лекс, 6:47: «Ребята, у нас проблемы. Серьёзные. Грымза был. Гоблины собирают армию. Цель — кости и портал. Надо срочно встретиться до игры. Сэм, во сколько можно приехать?»

Отправил и замер. Ответ пришёл почти сразу.

>Сэм, 6:48: «В шесть, как договаривались. Приезжай пораньше, обсудим. Тай, Кейт, вы как?»

>Тай, 6:49: «Буду. У меня смена до пяти, потом сразу к тебе».

>Кейт, 6:50: «И я. Библиотека закрывается в пять, успею. Лекс, всё серьёзно?»

>Лекс, 6:51: «Серьёзнее некуда. Грымза говорит, что вожак — трёхметровый колдун с амулетом. И у него армия. Хочет открыть портал и пойти на нас войной».

>Кейт, 6:52: «Нифига себе...»

>Тай, 6:53: «Охренеть...»

>Сэм, 6:54: «Значит, будем готовиться. В шесть у меня. Всем быть».

Он сел на диван, взял кость из-под подушки и положил перед собой. Та была тёплой, спокойной, но Лёха чувствовал, что она тоже ждёт. Ждёт вечера. Ждёт игры. Ждёт, когда они, наконец, решатся на то, что должно случиться.

— Ты знала, — сказал он кости. — Знала, что так будет. С самого начала. Когда я нашёл тебя в коробке. Когда кинул ту двадцатку. Ты знала, чем это кончится.

Кость пульсировала в ответ. Не мигала, не грелась сильнее, а просто пульсировала. Ровно и спокойно, как будто говорила: «Я здесь. Я с тобой. Мы справимся».

— Справимся, — повторил Лёха. — Обязательно справимся. Или всё обойдётся. Может, Грымза ошибается. Может, вожак не такой страшный. Может, мы сможем его остановить.

Но в глубине души он знал: всё будет так, как должно быть. Кости выбрали их не просто так. Игра выбрала их. И теперь они должны сыграть свою партию до конца.

Лёха достал телефон и открыл на нём свой дневник, в который записывал все странности. На новой странице он написал:

ПЛАН:

1. Встретиться с командой в 18:00.
2. Рассказать всё, что узнал от Грымзы.
3. Обсудить, как остановить вожака и закрыть портал.
4. Не паниковать.
5. Не паниковать.
6. НЕ ПАНИКОВАТЬ.

Он посмотрел на последний пункт и усмехнулся. Паниковать он уже перестал. Вместо паники пришло странное спокойствие. Как будто он давно ждал этого момента. Как будто всё, что случилось с ним за последние недели готовило его к этому. К решающей игре.

— Ну что, — сказал он, глядя на кость. — Сыграем?

Кость пульсировала в ответ, и Лёха почувствовал, как тепло разливается по телу, согревая изнутри.

Он убрал на кухне, спрятал монетку в коробок с остальными. Потом взял телефон и написал Сэму ещё одно сообщение:

>Лекс, 7:15: «Сэм, я приеду в пять. Надо подготовиться. И захвати дневник деда. Там могут быть ответы».

>Сэм, 7:16: «Договорились. Буду ждать».

Лёха убрал телефон. Он решил, что пока приготовит завтрак, поработает, отвлечётся. Если, конечно, сможет отвлечься от мыслей о трёхметровом гоблине-колдуне, который хочет захватить его мир.

— Жизнь, — вздохнул он. — Никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. Не думал, что меня ждёт война с гоблинами и, возможно, спасение мира.

Он усмехнулся своим мыслям и пошёл варить кофе. Впереди был долгий день. И, наверное, самая важная игра в его жизни. Он был готов. Насколько можно быть готовым к тому, что мир вокруг стал настоящей магией. А настоящая магия, как известно, требует настоящих решений. И настоящей смелости.

4

4

Лёха приехал к дому Сэма за час до назначенного времени. Он и сам не понял, зачем так рано. Может, хотел успеть поговорить с Сэмом наедине, без Кейт и Тая. А может, просто не мог больше сидеть в своей квартире, где каждая тень казалась гоблином, а каждый шорох в вентиляции заставлял вздрагивать и прислушиваться, не вернулся ли Грымза с новыми вестями.

На улице уже стемнело. Осенний вечер опускался на город быстро. Лёха постоял минуту у калитки, глядя на окна дома Сэма. Из подвала пробивался слабый свет, и это почему-то успокаивало. Сэм был там. Ждал. Готовился.

— Ладно, — сказал он сам себе, толкая калитку. — Пора.

Он спустился по знакомым ступенькам, и подвал встретил его привычным запахом старой бумаги, кофе и чего-то ещё, что пахло приключениями. Сэм уже был за столом. Он раскладывал карты, расставлял миниатюры, и вид у него был сосредоточенный, почти суровый.

— Привет, — сказал Лёха, скидывая рюкзак на свободный стул. — Рано я. Не ждал?

— Ждал, — Сэм поднял голову и посмотрел на него. — Знал, что ты приедешь раньше. Такие новости не терпят.

— Грымза рассказал, — начал Лёха, присаживаясь напротив. — Всё серьёзно. Вожак — трёхметровый колдун с амулетом. Собирает армию. Хочет открыть портал и идти на нас войной.

— Знаю, — Сэм кивнул. — Ты писал. Но расскажи подробнее. Всё, что он сказал.

Лёха рассказал. Про Хлюпа, который раньше был маленьким и хилым, а после смерти старого вожака вдруг начал расти. Про амулет, который тот нашёл в старых руинах, и про силу, которая пришла к нему вместе с магией. Про армию, которую он собирает, и про то, что он ждёт, когда три кости соберутся вместе, чтобы портал открылся сам.

— А если не соберутся? — спросил Сэм, когда Лёха закончил. — Что тогда?

— Тогда он попробует открыть портал сам, — ответил Лёха. — Насильно. Грымза говорит, это опасно. Портал может открыться не туда. Или взорваться. Но Хлюп, кажется, готов рискнуть.

— Значит, у нас есть время, — Сэм задумался. — Пока мы не соберём все три кости, он будет ждать. Но если поймёт, что мы не собираемся их собирать...

— Тогда нападёт, — закончил Лёха. — Или попробует открыть портал сам. Так что выбора у нас, по сути, нет.

— Выбор есть всегда, — Сэм покачал головой. — Мы можем спрятать кости. Можем уничтожить портал. Можем попробовать остановить вожака до того, как он соберёт армию.

— Как? — спросил Лёха. — Он в другом мире. У нас нет туда хода. Кроме как через игру.

— Через игру, — Сэм кивнул. — Именно. Сегодня мы играем. И я подготовил кое-что особенное.

Он достал из-под стола карту. Не обычную, расчерченную на клеточки, а настоящий свиток, пожелтевший от времени, с нарисованными от руки рунами и символами, которые Лёха узнал, они были похожи на те, что горели на его кости.

— Что это? — спросил он, чувствуя, как внутри холодеет.

— Это не просто подземелье, — Сэм развернул карту на столе. — Это место, где, по словам бабушки, дед нашёл первую кость. Руины, где когда-то был портал. Я переделал игру. Сегодня мы не просто играем. Мы идём по следу. Учимся и готовимся.

— Ты не сказал Кейт и Таю? — спросил Лёха.

— Нет, — Сэм покачал головой. — Решил, что сначала надо всё проверить. Убедиться, что это реально. А потом уже говорить им. Они должны быть готовы, но не напуганы.

— А я напуган? — спросил Лёха, и в голосе его прозвучала горькая усмешка.

— Ты — другое дело, — Сэм посмотрел на него серьёзно. — Ты уже в игре. Ты видел гоблина. Ты разговаривал с ним. У тебя шрам на руке. Ты готов. А они... они пока только начинают понимать, что игра стала реальностью.

— Ты им скажешь? — спросил Лёха. — Сегодня?

— Сегодня, — кивнул Сэм. — После игры. Если всё пройдет хорошо. Если они увидят, что магия работает, что мы можем влиять на реальность. Тогда поверят. А пока...

Он замолчал, потому что наверху хлопнула дверь. Шаги. Лёгкие, быстрые.

— Кейт, — сказал Лёха.

— Она рано, — удивился Сэм. — Обычно приезжает к шести.

— Наверное, тоже волнуется, — предположил Лёха.

Кейт спустилась в подвал, и вид у неё был такой, будто она бежала всю дорогу. Щёки покраснелись, рюкзак болтался на одном плече, а в руках она держала пакет с пирожками.

— Привет! — выпалила она, запыхавшись. — Я пораньше, можно? Думала, вы тут без нас начнёте. Сэм, это тебе, — она протянула пакет. — Гранни передала. Сказала, что сегодня понадобятся силы.

— Спасибо, — Сэм взял пакет, и на его суровом лице мелькнула улыбка. — Гранни всегда знает.

— А где Тай? — спросила Кейт, усаживаясь на своё место и выкладывая на стол свои пастельные кубики с блёстками.

— Скоро будет, — ответил Сэм. — Написал, что уже выехал.

— Тогда давайте пока чай пить, — предложила Кейт. — А то я замёрзла. Осень, всё-таки.

Они пили чай и болтали о пустяках, но Лёха чувствовал, что Сэм думает о чём-то своём. Он то и дело поглядывал на карту, свернутую в трубку, и перебирал в руках свой старый потрепанный блокнот. Кейт, кажется, ничего не замечала. Она рассказывала, как сегодня в библиотеке к ним пришёл странный посетитель и спрашивал книги про «порталы в другие миры».

— Я ему дала «Хроники Нарнии», — хихикнула она. — Он обиделся. Сказал, что ему нужна научная литература. А я ему: «У нас только художественная. Порталы в другие миры — это фантастика».

— Фантастика, — повторил Лёха, и в голосе его прозвучала горечь.

Кейт посмотрела на него, но ничего не сказала. В этот момент наверху снова хлопнула дверь, и тяжёлые шаги заставили стены содрогнуться.

— Тай, — сказали они хором.

Тай спустился в подвал, и его огромная фигура, казалось, заполнила собой всё пространство. Он был в своей обычной камуфляжной куртке, лицо хмурое, а в руках он держал какой-то свёрток.

— Всем привет, — сказал он, усаживаясь на свой скрипучий стул. — Извините, задержался. На работе аврал.

— Что случилось? — спросила Кейт.

— Да так, — Тай отмахнулся. — Говорят, в городе какие-то странные вещи пропадают. Прямо из магазинов. Без следов взлома. Полиция не может понять.

— Странные вещи? — переспросил Лёха. — Какие?

— Еда в основном, — Тай пожал плечами. — Чипсы, печенье. Мелочь. Но много. Как будто кто-то запасается.

Лёха и Сэм переглянулись. Грымза говорил, что гоблины готовят набег. Может, это уже началось? Может, они уже здесь, в городе?

— Ладно, — сказал Сэм, вставая и разворачивая карту. — Хватит болтать. Пора играть.

— Ого, — Кейт ахнула, увидев свиток. — Это что, новая карта? Какая красивая!

— Особенная, — Сэм разложил её на столе, прижав края кружками. — Это не просто подземелье. Это место, где, по легенде, когда-то был портал между мирами. Мы должны найти его. И узнать, что там.

— Портал? — переспросил Тай, и в его голосе прозвучало что-то новое, то, чего Лёха раньше не слышал. — Настоящий?

— В игре, — быстро сказал Сэм. — Пока в игре.

Лёха посмотрел на карту. Руны, которые он видел на своей кости, повторялись здесь, на полях, вплетённые в рисунок подземелья. Сэм провёл пальцем по одной из них.

— Это знак перехода, — сказал он. — Если мы правильно пройдем, сможем увидеть, что было там, за порталом. Может, даже поговорить с теми, кто ушёл.

— С дедом? — спросил Тай, и голос его дрогнул.

— С дедом, — кивнул Сэм. — Или с другими, кто был до нас.

— Начинаем? — спросила Кейт, и в её глазах загорелся азарт.

— Начинаем, — сказал Сэм.

Лёха достал из кармана кость и положил на стол. Она была тёплой, живой, и Лёха чувствовал, как она пульсирует в такт его сердцу. Рядом Сэм разложил свои старые кубики, Тай высыпал из коробки свои красные, а Кейт выстроила пастельные, с блёстками.

Сэм откинулся на спинку стула, обвёл взглядом притихших игроков и торжественно открыл свой мастерский блокнот. В подвале повисла та особая атмосфера, которая бывает только перед самым важным моментом в игре. Перед тем, как персонажи перестают быть нулями и становятся кем-то большим. Лёха чувствовал, как кость в кармане пульсирует в такт сердцу. Кейт замерла с пирожком в руке, даже не откусив. Тай перестал крутить свой красный кубик и уставился на Сэма с выражением человека, который ждёт, когда ему скажут, что он выиграл в лотерею.

— Итак, — сказал Сэм голосом, в котором появились торжественные нотки. — Ваши персонажи прошли первое подземелье. Они убили гоблинов, нашли свиток, выжили в бою с вожаком. Они заслужили первый уровень.

— Ура! — Кейт подпрыгнула на стуле, едва не уронив пирожок. — Велла теперь не просто варвар, а варвар первого уровня! Это звучит почти как «варвар первого сорта»!

— Первый сорт — это элита, — поправил Тай. — Корбин теперь плут первого уровня. Это значит, что я могу красть не только кошельки, но и, может быть, что-то покрупнее. Например, драконье яйцо.

— Ты и на нулевом уровне ничего украсть не мог, — парировала Кейт. — У тебя даже отмычек нормальных не было.

— Мог, — обиделся Тай. — Просто как то не до этого было.

Сэм постучал карандашом по столу, призывая к тишине.

— Теперь к делу. Первый уровень — это не просто цифры. Это новые способности, новые заклинания, новые возможности. Кейт, как варвар, ты получаешь «Ярость». Теперь можешь входить в боевое безумие, получать бонусы к урону и сопротивлению. Но будь осторожна, после ярости придётся отдыхать.

— Ярость? — Кейт округлила глаза. — Велла и так всегда в ярости. А теперь будет ещё яростнее? Это законно?

— Это правила, — улыбнулся Сэм. — Тай, ты как плут получаешь «Ловкую атаку». Теперь можешь наносить дополнительный урон, если атакуешь из тени или когда враг отвлёкся на союзника.

— О, это моё, — Тай довольно потёр руки. — Корбин любит бить исподтишка. Это благородно? Нет. Это эффективно? Да.

— А я? — спросил Лёха, чувствуя, как кость в кармане нагревается. — Что получает Элиас?

Сэм посмотрел на него, и Лёхе показалось, что в этом взгляде было что-то большее, чем просто объяснение правил.

— Ты, Лекс, как волшебник, получаешь самое главное — выбор школы магии. До первого уровня ты был просто учеником, который учил базовые заклинания. Теперь ты должен выбрать, какой путь магии тебе ближе. И это определит не только то, как ты будешь играть, но и то, как Элиас будет развиваться дальше.

— Выбор школы, — повторил Лёха. — Это серьёзно?

— Это очень серьёзно, — кивнул Сэм. — Школ определяет, какие заклинания ты сможешь учить быстрее, какие станут твоей специализацией. Их восемь, как ты помнишь. Воплощение — огонь, молнии и всё, что взрывается. Некромантия — смерть и нежить. Очарование — управление разумом. Иллюзия — обман и фантомы. Преобразование — изменение материи. Вызов — призыв существ. Прорицание — знание и предвидение. Ограждение — защита и барьеры.

— Восемь, — вздохнул Лёха. — И я должен выбрать один?

— Должен, — кивнул Сэм. — Но выбор, это не навсегда. Ты можешь изучать заклинания и из других школ, но твоя школа станет твоей сильной стороной. Твоим путём.

Лёха посмотрел на кость, лежащую на столе. Та пульсировала ровно, и Лёха чувствовал, что она ждёт. Ждёт его решения.

— А что посоветуешь? — спросил он. — Ты мастер. Ты знаешь, что нам пригодится.

Сэм задумался, постукивая карандашом по столу.

— В нашем мире, — сказал он, и Лёха понял, что он говорит не только об игровом мире, — нам нужно будет противостоять врагам. Многим врагам. Сильным врагам. Некромантия — это интересно, но поднимать мертвецов против гоблинов? Сомнительно. Очарование — можно попробовать убедить вожака не нападать, но он же колдун, у него высокий уровень защиты. Иллюзия — отвлечь, обмануть, но не победить.

— Значит, Воплощение? — спросил Лёха.

— Воплощение — это сила, — кивнул Сэм. — Огонь, молнии, взрывы. Против армии гоблинов — то, что надо. Но будь готов, это путь разрушения. Иногда не самого точного.

— Файерболы, — мечтательно протянул Лёха. — Я всегда хотел кидаться файерболами. Сидишь себе сзади, а враги горят. Красота.

— Только не сожги нас, — предупредила Кейт. — Я в ярости могу не заметить, что горю.

— Я аккуратен, — пообещал Лёха. — Буду целиться только во врагов.

— Враги будут близко, — заметил Тай. — Очень близко. Если ты запустишь файербол в толпу, мы все можем пострадать.

— Значит, надо учиться контролировать, — решил Лёха. — Я выбираю Воплощение. Пусть будет огонь.

Сэм кивнул и сделал пометку в своём блокноте.

— Принято. Элиас — волшебник школы Воплощения. Ты получаешь бонус к урону от заклинаний этой школы. А главное — на третьем уровне ты сможешь использовать файербол. Настоящий, большой, огненный шар.

— На третьем, — вздохнул Лёха. — А сейчас?

— Сейчас у тебя есть «Волшебная стрела», «Кислотный плевок» и «Спячка», — напомнил Сэм. — И теперь у тебя три ячейки заклинаний. Ты уже не просто ученик. Ты — волшебник.

— Волшебник, — повторил Лёха, и в этот момент он почувствовал странное тепло, разливающееся по телу.

Лёха почувствовал, что внутри что-то изменилось. Как будто открылась дверь, которую он раньше не замечал. Как будто появилось новое чувство, новое знание.

— Лекс, ты чего? — спросила Кейт. — Побледнел.

— Всё нормально, — выдавил Лёха. — Просто... чувствую что-то.

— Это адреналин, — уверенно сказал Тай. — Или голод. Ты сегодня ел?

— Ел, — Лёха провёл рукой по лицу. — Но это не голод.

Он посмотрел на свою правую руку, на шрам, который теперь, казалось, слегка пульсировал в такт сердцу. А потом, сам не понимая зачем, он протянул руку к зажигалке, лежащей на столе. Та, как обычно, была холодной. Но когда Лёха коснулся её пальцами, он почувствовал, как внутри что-то щёлкает. Как будто нажимается невидимая кнопка. И зажигалка зажглась. Сама собой.

— Охренеть, — выдохнул Тай.

— Это ты сделал? — спросила Кейт, глядя то на зажигалку, то на Лёху.

— Не знаю, — честно ответил Лёха. — Просто... подумал, что надо, и она зажглась.

Сэм смотрел на это с серьёзным лицом.

— Первый уровень, — сказал он тихо. — В игре и в реальности.

— Что это значит? — спросил Тай.

— Это значит, что Лекс теперь не просто игрок, — ответил Сэм. — Он волшебник. Настоящий. Его способности начинают прорастать в наш мир. Как и наши.

— Мои? — переспросила Кейт. — Я что, тоже могу что-то?

— Попробуй, — предложил Сэм. — Представь, что ты Велла. Что ты в ярости. Что ты хочешь что-то разрушить.

Кейт зажмурилась, сжала кулаки. Ничего не происходило. Она открыла глаза, разочарованная.

— Не получается.

— Не торопись, — сказал Сэм. — Всему своё время. У Лекса было больше практики. Вы только начинаете.

— А я? — спросил Тай. — Что я могу?

— Ты — плут, — напомнил Сэм. — Твоя сила в ловкости, в скрытности. Может, ты уже что-то чувствуешь?

Тай задумался, потом медленно поднял руку и щёлкнул пальцами. И в этот момент зажег галка, которую Лёха всё ещё держал в руке, мигнула. Не зажглась, а именно мигнула, как будто кто-то коснулся её невидимой рукой.

— Получилось? — спросил Тай, удивлённый не меньше остальных.

— Кажется, да, — сказал Лёха. — Ты тоже что-то можешь.

— Тогда я тоже хочу! — воскликнула Кейт. — Я хочу быть настоящим варваром! Хочу крушить!

— Крушить пока не надо, — остановил её Сэм. — Сначала научитесь контролировать. А то мы друг друга переломаем.

Он встал, подошёл к стеллажу и достал старую, потрёпанную книгу. Это был дневник. Дневник деда.

— Здесь, — сказал Сэм, открывая книгу на закладке, — дед описывал, как он учился контролировать свою силу. Как учился не сжигать всё вокруг, когда злился. Как учился становиться незаметным, когда хотел спрятаться. Это трудно. Но это возможно.

— И мы сможем? — спросила Кейт.

— Сможете, — кивнул Сэм. — Потому что вы — команда. Потому что у вас есть цель. Потому что вы — избранные. Те, кто может остановить угрозу.

— Какую угрозу? — спросил Тай, и в голосе его прозвучала тревога.

— Ту, о которой нам рассказал Грымза, — ответил Лёха. — Вожак гоблинов. Он собирает армию. Он хочет открыть портал и пойти на нас войной.

— И мы должны его остановить, — закончил Сэм. — В игре и в реальности. Потому что это уже не игра. Это наша жизнь.

В подвале повисла тишина. Кейт смотрела на свои кулаки, как будто видела их впервые. Тай вертел в руках красную кость, подаренную дедом.

— Ну что, — сказал Лёха, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Покажем этим гоблинам, что такое настоящий файербол?

— Покажем! — Кейт стукнула кулаком по столу, и чашки подпрыгнули.

— Покажем, — кивнул Тай.

Сэм улыбнулся, закрыл дневник деда и открыл свой мастерский блокнот.

Сэм развернул карту руин на столе, и все трое склонились над ней, как пираты над сокровищами. На пожелтевшем пергаменте были нарисованы коридоры, залы, какие-то странные символы, и в самом центре — круг, обозначенный руной, которую Лёха уже видел на своей кости. Руна перехода. Руна портала.

— Вы стоите перед входом в главный зал, — голос Сэма стал тише, таинственнее. — Стены здесь сложены из чёрного камня, который не блестит, а, наоборот, поглощает свет. Ваши факелы горят тускло, и кажется, что тьма вот-вот их проглотит. В центре зала — каменный алтарь. На нём лежит что-то, что светится слабым золотым светом. Что-то знакомое.

— Кость? — спросил Лёха, чувствуя, как его собственная кость нагревается.

— Похоже на то, — кивнул Сэм. — Но чтобы подойти к алтарю, нужно пройти через зал. А в зале — они. Гоблины. Много. С десяток. И все вооружены.

— Десять? — переспросил Тай. — Это же целая армия.

— Для первого уровня — да, — согласился Сэм. — Но вы не одни. У вас есть план. И магия. И ярость. И хитрость. Вопрос только в том, как вы используете свои силы.

— Я впереди! — Кейт уже сжимала в руках воображаемый топор. — Велла входит в ярость и бежит на гоблинов. Они должны видеть, что их ждёт.

— Подожди, — остановил её Лёха. — Может, сначала я? У меня есть заклинание, которое может их всех приголубить. Ну, или прижарить.

— Спячка? — уточнил Сэм.

— Нет, — Лёха покачал головой и вдруг почувствовал, как внутри что-то щёлкает. Словно открывается дверь, которую он раньше не замечал. Словно в груди разгорается маленькое, но горячее солнце. — Я хочу попробовать кое-что новое.

— Файербол? — удивился Тай. — Но файербол только на третьем уровне.

— В игре — на третьем, — Лёха посмотрел на Сэма. — А здесь? В этой игре? На этой карте? Может, можно?

Сэм задумался, постукивая карандашом по столу. Потом медленно кивнул.

— Это не обычная игра. И не обычное подземелье. Здесь, в этих руинах, магия сильнее. Портал рядом. Кости рядом. Может, и файербол можно попробовать. Но предупреждаю: это опасно. Не только для гоблинов.

— Опасно? — переспросил Лёха.

— Если не рассчитаешь силу, может задеть и союзников. Или вообще разрушить зал. Или... — Сэм замолчал, не договаривая.

— Или что? — спросила Кейт.

— Или магия вырвется в реальность, — закончил Сэм. — Как уже было.

Лёха вспомнил зажигалку, которая зажглась сама собой. Лампу, которая загорелась без электричества. Жар, который он чувствовал в ладони после природной двадчатки. И холод, после которого остался шрам.

— Я попробую, — сказал он. — Аккуратно.

Он взял кость в руку. Та была горячей. Пульсировала, как живое сердце. Лёха закрыл глаза и представил Элиаса. Представил, как тот поднимает руки, как собирает магию, как чувствует огонь, который вот-вот вырвется на свободу.

— Я кидаю, — сказал он, открывая глаза.

Кость полетела на стол. Она крутилась в воздухе, и Лёхе показалось, что время замедлилось. Он видел каждую грань, каждую руну, каждый блик света. А потом кость упала и замерла, показывая цифру.

— Пятнадцать, — объявил Сэм. — Плюс твой бонус. Попадание.

— Ура! — Кейт захлопала в ладоши. — Теперь эти гоблины узнают, что такое настоящая магия!

— Описывай, — сказал Лёха, чувствуя, как жар в ладони становится почти нестерпимым. — Что происходит?

Сэм откинулся на спинку стула и начал описывать, и голос его стал глубже, словно он сам был там, в том зале, с теми гоблинами.

— Элиас поднимает руки, — говорит Сэм. — Его посох начинает светиться золотым, и ты, Лекс, чувствуешь, как магия поднимается из глубины, из самой земли, из воздуха, из тебя. Вокруг сгущается жар. Гоблины замирают, чувствуя неладное. Вожак — здоровенный, в два раза больше остальных — орёт, чтобы они нападали. Но поздно.

— Сейчас будет, — шепчет Лёха, и в этот момент он чувствует, как жар в ладони становится огнём.

— Из рук Элиаса вырывается сгусток пламени, — продолжает Сэм. — Сначала маленький, размером с кулак. Но он растёт на лету, набирает силу, жар. Гоблины бросаются враспыленную, но поздно. Файербол достигает центра зала и взрывается.

Лёха чувствует этот взрыв. Он чувствует его не в игре, а в реальности. Жар разливается по руке, поднимается к плечу, и он понимает, что сейчас, прямо сейчас, в его ладони тоже рождается огонь. Он открывает глаза и смотрит на свою руку. На правой ладони, на том самом месте, где ещё недавно был ожог от единицы, теперь пульсирует золотое свечение. Оно не жжёт, оно греет. Как будто внутри него зажглась маленькая звезда.

— Охренеть, — выдыхает Тай, глядя не на карту, а на Лёху.

— Что? — Кейт поворачивается и тоже замирает. — Лекс, у тебя рука!

Лёха смотрит на свою ладонь. Свечение медленно гаснет, оставляя после себя приятное тепло. Но на столе, рядом с его листом персонажа, зажигалка вспыхивает сама собой. Ярким, ровным пламенем, без всякого газа и кремня.

— Это я? — спрашивает Лёха, хотя уже знает ответ.

— Это ты, — кивнул Сэм. — Ты кинул файербол. В игре. И он вырвался в реальность.

— А гоблины? — спрашивает Кейт. — Что с гоблинами?

Сэм переводит взгляд на карту.

— Гоблины... — он смотрит в свои записи, потом поднимает глаза. — Гоблины разбегаются. Файербол был сильным. Несколько гоблинов убито, остальные в панике. Вожак ранен, но жив. Он орёт, что вернётся, и уводит своих вглубь подземелья.

— Ура! — Кейт снова подпрыгивает, но теперь её голос звучит не так радостно. Она смотрит на зажигалку, которая всё ещё горит на столе. — Но это... это же магия. Настоящая. Мы теперь можем колдовать? В реальности?

— Похоже на то, — Сэм задувает зажигалку. Пламя гаснет, но в воздухе ещё чувствуется запах жжёного. — Но только здесь. В этом месте. Рядом с картой. Рядом с костями.

— Значит, если мы будем играть здесь, в подвале, магия будет работать? — спрашивает Тай. — А если в другом месте?

— Не знаю, — честно признаётся Сэм. — Но, кажется, это место особенное. Дед его выбрал не случайно. Здесь портал ближе. Здесь магия сильнее.

Лёха смотрит на свою руку. Шрам на ладони стал чуть заметнее, словно прибавилась ещё одна руна. Или он просто разогрелся.

— Получается, — говорит он, — каждый раз, когда мы играем, мы становимся сильнее. В игре и в реальности.

— Получается, так, — кивнул Сэм.

— Тогда нам нужно чаще играть, — делает вывод Кейт. — И не только ради удовольствия.

— И не только здесь, — добавляет Тай. — Мы должны тренироваться. Дома. На улице. Везде, где можно.

— Согласен, — Лёха прячет кость в карман, чувствуя, как она пульсирует. — Но сейчас — давайте доделаем игру. Алтарь. Кость. Мы почти у цели.

Сэм улыбается, и в его улыбке Лёха видит гордость. За них. За команду. За то, что они не сдались, не испугались, не бросили игру, когда она стала реальностью.

— Вы подходите к алтарю, — говорит Сэм, возвращаясь к игре. — Свет, который вы видели, исходит от старого кубика. Он лежит на каменной плите, окружённый рунами. Рунами, которые вы уже видели. На своих костях. На карте. В дневнике деда.

— Я беру его, — говорит Лёха, и в этот момент он чувствует, как его собственная кость в кармане начинает вибрировать. словно откликается на зов сестры.

— Кость теплеет в руке Элиаса, — продолжает Сэм. — Вы чувствуете, что она истинная. И когда вы её поднимаете, стены зала начинают светиться. Руны на камне загораются одна за другой. А в центре, там, где только что был алтарь, открывается проход. Проход, который ведёт... не знаю куда.

— Не знаешь? — переспрашивает Тай.

— Дед не дописал, — Сэм разводит руками. — Он ушёл туда. И не вернулся. Но вы можете заглянуть. Если хотите.

— Хотим, — говорит Кейт, не задумываясь.

— Хотим, — кивает Тай.

— Хотим, — говорит Лёха, чувствуя, как кость в кармане пульсирует всё сильнее.

Сэм закрывает глаза, словно собираясь с мыслями, а потом начинает говорить. И голос его звучит так, будто он сам там, за порталом, видит то, что видят герои.

— Вы заглядываете в проход. Там — свет. Золотой, тёплый, как солнце. И вы чувствуете, что кто-то ждёт вас там. Кто-то знакомый. Кто-то, кто ушёл раньше. Но сейчас не время. Пока не время. Портал закрывается. Кость в вашей руке остывает. Вы снова в зале. Но вы знаете, дорога открыта. Когда-нибудь вы по ней пойдёте.

Зажигалка остыла, но на столе осталось маленькое тёмное пятно. След от пламени, которое никто не зажигал. Кейт смотрела на это пятно так, будто оно могло в любой момент снова вспыхнуть. Тай вертел в руках свой красный кубик, но не кидал, а просто смотрел на него, как на неразгаданную тайну. Сэм собирал карты, складывал их в стопку, и движения его были медленными, почти сонными, как будто он всё ещё был там, в руинах, у закрывающегося портала.

— Ну что, — сказал он наконец, нарушая тишину. — Это была... интересная игра.

— Интересная? — переспросил Тай. — Ты называешь это интересной? Мы только что кинули файербол! У Лёха рука горела! Зажигалка зажглась сама собой! Это не интересно, это...

— Волшебно, — закончила за него Кейт, и в голосе её не было страха. Было восхищение. — Это было волшебно. Настоящая магия. Как в сказках.

— Как в сказках, — повторил Лёха, всё ещё глядя на свою правую ладонь. Шрам, который раньше казался просто ожогом, теперь выглядел иначе. Руны, выжженные на коже, стали чуть ярче и чётче, и когда он сжимал пальцы, ему казалось, что внутри всё ещё теплится тот самый огонь. — Только в сказках обычно всё заканчивается хорошо. А у нас...

— У нас только начинается, — сказал Сэм, и в голосе его прозвучала та уверенность, которая бывает у людей, знающих, что они делают. — Но сегодня мы сделали важный шаг. Первый уровень. И не только в игре.

— А что теперь? — спросила Кейт. — Мы будем тренироваться? Как Лекс? Учиться колдовать?

— Будем, — кивнул Сэм. — Но осторожно. Магия — это не игрушка. Особенно когда она вырывается в реальность. Мы не знаем, как она работает. Не знаем, какие у неё правила. Может, она подчиняется тем же законам, что и в игре. А может, своим.

— Значит, надо экспериментировать, — решил Тай. — Потихоньку. Дома. На улице. Везде, где можно.

— Только чтобы никто не видел, — добавил Лёха. — А то нас в психушку отправят. Или хуже — в лабораторию на опыты.

— В лабораторию? — Кейт округлила глаза.

— Шучу, — улыбнулся Лёха. — Надеюсь.

Он взял зажигалку со стола. Та была холодной, обычной. Он покрутил её в пальцах, вспоминая, как она вспыхнула сама собой, без искры, без газа, без всякой причины. Просто от его желания. От его силы.

— Хочешь проверить? — спросил Сэм, заметив его движение.

— Хочу, — признался Лёха. — Но боюсь.

— Не бойся, — сказал Тай. — Мы здесь. Если что, потушим.

Лёха зажал зажигалку в кулаке. Закрыв глаза. Представил, как внутри неё загорается огонь. Тот, который он почувствовал в ладони, когда Элиас кидал файербол.

Сначала ничего не происходило. Потом он почувствовал лёгкое тепло, разливающееся по пальцам. Он открыл глаза и разжал руку.

Зажигалка горела. Ровным, спокойным пламенем. Без газа. Просто горела, как свеча.

— Охренеть, — выдохнул Тай.

— Это... это же... — Кейт не могла подобрать слов.

— Это магия, — сказал Сэм. — Настоящая. И она работает.

Лёха смотрел на огонь и чувствовал, как внутри растёт странное спокойствие. Он не боялся. Он знал, что может контролировать это пламя. Что оно подчиняется ему. Что оно — часть его.

— Потуши, — сказал Сэм. — Хватит на сегодня.

Лёха сжал пальцы, и огонь погас. Зажигалка снова стала холодной, обычной. Но на её корпусе осталось маленькое золотистое пятно, след от магии.

— Теперь ты точно волшебник, — сказал Тай, и в его голосе не было зависти. Только уважение.

— Мы все волшебники, — ответил Лёха. — Просто я начал раньше.

— Тогда научи нас, — попросила Кейт. — Я тоже хочу. Хочу быть настоящей Веллой. Чтобы топоры сами в руках появлялись. Чтобы ярость приходила, когда надо.

— И я, — добавил Тай. — Хочу красться незаметно. Чтобы меня никто не видел, даже если я на виду.

— Будет вам, — пообещал Сэм. — Всему своё время. Сначала — игра. Потом — тренировки. А потом — посмотрим, на что мы способны.

Он достал дневник деда.

— Здесь, — сказал он, открывая книгу на закладке, — дед описывал, как он учился. Как ошибался. Как платил за ошибки. Мы должны учиться на его опыте. Чтобы не повторять его ошибок.

— А он что, ошибался? — спросил Тай.

— Ещё как, — усмехнулся Сэм. — Бабушка рассказывала, как он однажды чуть не сжёг сарай. Или как полдня просидел в кустах, потому что стал невидимым, а обратно превратиться не смог. Так что мы не первые. И не последние.

— Не последние? — переспросил Лёха.

— Кости выбрали нас, — сказал Сэм. — Но они могут выбрать и других. Тех, кто придёт после. Мы должны сохранить знание. Передать дальше.

— Как твой дед передал тебе, — понял Лёха. — Через дневник. Через игру.

— Через игру, — кивнул Сэм. — Он верил, что игра — это не просто развлечение. Это способ учиться и тренироваться. Становиться сильнее. В игре и в реальности.

— Значит, мы будем играть, — сказал Тай. — Много. Часто. И не только для удовольствия.

— И не только здесь, — добавила Кейт. — Мы можем играть и дома. И в парке. И в библиотеке. Главное — чтобы никто не видел.

— А если увидят? — спросил Лёха.

— Скажем, что это квест, — усмехнулся Тай. — Или розыгрыш. Или реклама нового фильма. Люди поверят во что угодно, только не в магию.

— Ты прав, — вздохнул Лёха. — Люди не верят в магию. Пока она не приходит в их дом.

Он посмотрел на свою ладонь, на шрам, который теперь казался не просто меткой, а ключом. Ключом к силе, которая росла в нём с каждым днём.

— Ладно, — сказал он, вставая. — На сегодня хватит. Завтра работа. Обычная жизнь.

— Обычная? — усмехнулась Кейт. — После того, что мы сегодня видели?

— После того, что мы сегодня видели, — поправил Лёха, — обычная жизнь уже не кажется такой обычной. Но жить в ней всё равно надо. Пока мы не придумали, как сделать её другой.

— Сделаем, — сказал Сэм. — Обязательно сделаем. Вместе.

Они начали собираться. Кейт, как всегда, долго утрамбовывала свой рюкзак, из которого то и дело выпадали конфеты. Тай натягивал куртку, и Лёха заметил, что даже его огромная фигура кажется сейчас какой-то уязвимой. Сэм убирал карты, складывал кубики, и движения его были спокойными, уверенными.

— Лекс, — окликнул он, когда Лёха уже взялся за дверь. — Зажигалку не забудь.

Лёха посмотрел на стол. Зажигалка лежала на том же месте, рядом с пятном от огня. Он взял её, сунул в карман, рядом с костью. Та была тёплой и спокойной.

— Спокойной ночи, — сказал он, выходя на улицу.

Ночь встретила его холодным ветром и звёздным небом. Лёха поднял голову, посмотрел на звёзды. Ему показалось, что они светят ярче, чем обычно. Или это просто игра света?

Он сунул руку в карман, нащупал зажигалку. Не зажигал, просто держал, чувствуя её холод. А потом, сам не понимая зачем, мысленно приказал: «Зажгись».

Зажигалка вспыхнула. Лёха просто стоял на пустынной улице, глядя на звёзды, и улыбался. Теперь он знал, магия здесь. В нём. В его руке. И она будет расти. Пока он готов её принять.

Он погасил огонь. Посмотрел на зажигалку. Та была холодной, обычной. Но на её корпусе, рядом с золотистым пятном, появилось ещё одно. Маленькое, едва заметное. Знак того, что он учится. Растёт. Становится сильнее.

— Первый уровень, — прошептал он, пряча зажигалку обратно. — Это только начало.

Он зашагал к остановке, и каждый его шаг был увереннее предыдущего. Потому что теперь он знал. Он — волшебник. Настоящий. И впереди у него целая жизнь. И целая игра. Которая только начинается.

5

5

Я сидел в самом дальнем углу пещеры, зажмурившись и стараясь дышать как можно тише, чтобы меня никто не заметил. Это было нелегко, потому что в пещере собрались почти все гоблины нашего племени. Больше сотни зелёных морд, и все они пахли страхом, злобой и жареными крысами. А я пах страхом больше всех. Потому что сегодня был тот самый день. День, когда новый вожак созывал совет. День, когда решалась судьба всех нас. И судьба волшебника, который кормил меня.

— Где этот мелкий? — голос вожака, похожий на камнепад, прокатился по пещере, заставляя стены дрожать.

Я вжал голову в плечи и попытался стать ещё меньше. Раньше я всегда был маленьким, даже для гоблина. Братья смеялись, тыкали в меня пальцами и говорили: «Грымза, ты как крыса, только без хвоста». Теперь братьев не было. А я остался. И теперь то, что я такой мелкий, было моим единственным спасением. В дальнем углу, за спинами здоровенных воинов, меня никто не видел. Даже если очень хотел.

— Здесь я, — пискнул кто-то из передних рядов, и я чуть не выдохнул с облегчением. Это был не я. Это был какой-то другой мелкий, которого притащили на совет, чтобы показать, что даже самые ничтожные должны подчиняться.

Вожак стоял в центре пещеры, на том месте, где раньше сидел старый вожак, пока волшебник и его друзьями его не убили. Тот был здоровым, но этот... этот был чудовищем. Он вырос в три раза с тех пор, как я видел его в последний раз. Его кожа, раньше бледно-зелёная, теперь стала тёмной, почти чёрной, и покрылась какими-то блестящими чешуйками, как у змеи. Из-под рваной рубахи торчали мышцы, которых раньше не было. А на шее, на толстой цепи, висел амулет. Чёрный, пульсирующий красным, как живое сердце.

Я смотрел на этот амулет и чувствовал, как у меня пересыхает в горле. Это была та самая штука, которая делала его сильным. Та самая штука, которую надо было украсть, чтобы Хлюп снова стал маленьким и жалким.

— Вы знаете, зачем я вас собрал, — голос вожака звучал ровно, но в нём было столько силы, что даже здоровенные воины поёживались. — Настало время. Время вернуть то, что принадлежит нам по праву.

— Земли! — заорал кто-то из передних рядов. — Наши земли!

— Наши земли, — кивнул вожак. — Люди пришли оттуда, — он махнул рукой в сторону, где, как я знал, был портал, — и отняли у нас всё. Они загнали нас в подземелья, заставили жрать крыс и коренья. А сами жрут свою мягкую лапшу и блестяшки считают.

При слове «лапша» у меня снова потекли слюнки. Я вспомнил, как волшебник заливал кипятком, как пахло от неё вкуснятиной, как она таяла во рту. И как он смотрел на меня, когда я ел. Не как на врага. Не как на мелкого уродца. Как на... как на своего. Я тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Не время. Не место.

— Портал скоро откроется, — продолжал вожак. — Кости почти собрались. Я чувствую их. Они близко. Когда они соединятся, мы пойдём. Все. До единого.

— А если не откроется? — пискнул кто-то из задних рядов. Голос был трусливым, дрожащим. Я узнал его, это был Брык, мой сосед по пещере. Он всегда боялся всего. Даже собственной тени.

Вожак медленно повернулся в ту сторону, откуда донёсся голос. Тишина стала такой густой, что, казалось, её можно было резать ножом.

— Если не откроется, — сказал он, и в голосе его появилось что-то новое, то, от чего у меня внутри всё сжалось, — мы откроем сами. Амулет даст силу. А если амулет не справится, мы возьмём кости. Все три. И откроем портал. Любой ценой.

— А цена? — спросил Брык, и голос его был едва слышен.

— Цена — это те, кто не готов идти, — усмехнулся вожак. — Те, кто слаб. Те, кто трусит. Те, кто предаёт.

Он обвёл взглядом пещеру, и я почувствовал, как его глаза останавливаются на мне. На несколько секунд. Всего на несколько секунд. Но мне показалось, что прошла вечность. Я замер, стараясь не дышать.

Потом он отвернулся, и я выдохнул. Слишком громко. Слишком заметно.

— Там, — вожак снова махнул рукой в сторону портала, — есть люди. Много. И у них есть еда. Мягкая, вкусная, в блестящих пачках. У них есть блестяшки. Золото, серебро, камушки. Всё, что мы хотим. Они слабые. Они не умеют драться. Они прячутся за своими стенами и ждут, когда мы придём.

— Когда мы придём? — спросил кто-то, и в голосе его уже не было страха. Была жадность.

— Скоро, — пообещал вожак. — Очень скоро. Но сначала, мы должны быть готовы. Все, кто может держать оружие, будут тренироваться. Каждый день. Каждую ночь. Те, кто не может держать оружие, будут готовить еду. Точить копья. Собирать припасы.

— А что делать с теми, кто не хочет? — спросил здоровенный воин из передних рядов. Его звали Хряк, и он всегда был готов драться. Даже когда не надо.

— С теми, кто не хочет, — вожак усмехнулся, и в этой усмешке было что-то такое, от чего у меня подкосились ноги, — я поговорю сам.

Он подошёл к костру, который горел в центре пещеры, и вытащил из огня головешку. Та горела ярко, отбрасывая красные блики на его тёмную кожу.

— Я не хочу никого убивать, — сказал он, и голос его стал тише, почти ласковым. — Я хочу, чтобы мы все были вместе. Чтобы мы все шли к одной цели. Чтобы никто не остался в стороне. Но если кто-то решит, что ему не нужны земли, не нужна еда, не нужны блестяшки... если кто-то решит, что он лучше знает, что делать...

Он сжал головешку в руке. Та зашипела, и в воздухе запахло горелой кожей. Но вожак даже не поморщился.

— Я сделаю так, что он пожалеет, — закончил он и разжал пальцы. Головешка упала в костёр, рассыпавшись пеплом.

В пещере стало тихо. Даже Хряк, который всегда что-то бубнил себе под нос, притих. Я сидел в своём углу и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Это было не предупреждение. Это была угроза. И она была для всех. Для тех, кто не хочет идти. Для тех, кто сомневается. Для тех, кто... для тех, кто связался с людьми.

— А что, если не все люди плохие? — услышал я свой голос, и сначала не понял, что это я сказал. А когда понял, было поздно.

Все головы повернулись в мою сторону. Сотни глаз. Красных, жёлтых, зелёных. Все смотрели на меня. На маленького, на ничтожного, на того, кто всегда прятался в углу.

— Кто это сказал? — голос вожака был спокоен. Слишком спокоен.

Я хотел спрятаться. Хотел стать таким маленьким, чтобы меня никто не увидел. Но ноги не слушались. Я стоял, вжавшись в стену, и смотрел на вожака. На его чёрную кожу. На пульсирующий амулет. На глаза, которые горели красным, как тот огонь, которым он сжёг свою руку.

— Я, — сказал я, и голос мой прозвучал громче. — Я говорю. Не все люди плохие.

Вожак медленно повернулся ко мне. Я видел, как его ноздри раздуваются, как он вдыхает мой запах. Запах страха. Запах предательства.

— Грымза, — сказал он, и в его голосе появилось что-то новое. То, что я не слышал раньше. Удивление. — Мелкий Грымза. Тот, который всегда прятался. Тот, которого братья пинали ногами. И ты вдруг заговорил. О людях. О том, что они не плохие.

— Я... я видел одного, — сказал я, чувствуя, как колени начинают дрожать. — Он... он не убивал. Он кормил. И разговаривал.

— Кормил? — переспросил вожак. — Чем? Крысами? Корешками?

— Дошираком, — выпалил я, и в пещере повисла тишина. А потом кто-то засмеялся. Сначала тихо, потом громче. А потом все захохотали. Даже те, кто боялся. Даже Хряк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.